

Оригинальная статья/ Original article

Гендерные аспекты цивилизационного подхода (новые горизонты междисциплинарности)

© С.Г. ИЛЬИНСКАЯ, Е.А. СИРИНА

Ильинская Светлана Геннадьевна, Институт философии Российской академии наук (Москва, Россия), svetlana_ilinska@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7402-5265

Сиринa Екатерина Артуровна, Институт философии Российской академии наук (Москва, Россия), ekasirina@gmail.com. ORCID: 0000-0003-1246-4091

Рассмотрены проблемы узости дисциплинарного подхода в социальных науках, недостаточной предварительной артикуляции онтологических оснований в социально-политических исследованиях, а также малой востребованности фундаментальных разработок в прикладных дисциплинах. Соответственно, они постепенно превращаются в «тайное знание» со своим особым языком, недоступным «профанному большинству». Приведена полемика с позицией политического философа Б.Г. Капустина о проблеме междисциплинарности и понятии «цивилизация». Доказано, что оппонент, будучи универсалистом, считает цивилизацию «идеологическим конструктом» и противоречит собственному определению междисциплинарности, классическим примером которой выступает именно локально-цивилизационный подход. Указанные недостатки характерны и для либерального феминизма, который доминирует в российских гендерных исследованиях. В результате смещаются приоритеты и утрачивается «здравый смысл». Основные постулаты данного направления исследований длительное время не меняются, несмотря на трансформацию мира вокруг. Их критический анализ демонстрирует, что междисциплинарность позволяет «возвращать» в исследования «здравый смысл» (не как «общий» или «общепринятый», т. е. «common sense»), а как сообразный конкретной цивилизационной «логике смысла») и решать практические проблемы общества на базе синтеза локально-цивилизационного и гендерного подходов.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, социальное знание, локально-цивилизационный подход, гендерные исследования, универсализм

Цитирование: Ильинская С.Г., Сиринa Е.А. (2023) Гендерные аспекты цивилизационного подхода (новые горизонты междисциплинарности) // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 135–148. DOI: 10.31857/S0869049923040081, EDN: OZXODG.

Gender Aspects of the Civilizational Approach (New Horizons of Interdisciplinary Research)

© S. ILYNSKAYA, E. SIRINA

Svetlana G. Ilinskaya, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), svetlana_ilinska@mail.ru. ORCID: 0000-0002-7402-5265

Ekaterina A. Sirina, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), ekasirina@gmail.com. ORCID: 0000-0003-1246-4091

Abstract. The problems of interdisciplinary research in social sciences and the inseparability of the ideological component from socio-political knowledge, which largely contributes to the crisis of the social sciences, are analyzed. Also considered are the issues of the narrowness of a strictly disciplinary approach in social sciences, insufficient preliminary articulation of ontological foundations in socio-political studies, as well as the low demand for fundamental elaboration in applied disciplines, leading to their gradual transformation into “secret knowledge” with its own special language inaccessible for the “profane majority”. The authors debate with the position of political philosopher B.G. Kapustin on the problem of interdisciplinary and the concept of “civilization”. It is argued that the opponent contradicts his own definition of interdisciplinary when he considers “civilization” as a “worldview construct”, because the local-civilizational approach *per se* is a classic example of interdisciplinary research. The debate with liberal feminism is also presented. This field non-reflexively dominates Russian gender studies to such an extent that it leads to a shift in priorities and loss of “common sense”. A critical analysis of its main postulates, which have remained virtually unchanged despite historical changes, shows that interdisciplinary approach makes it possible to solve practical problems facing society based on a synthesis, for example, of civilizational and gender approaches.

Keywords: interdisciplinary research, social sciences, local-civilizational approach, gender studies, universalism

Citation: Ilinskaya S., Sirina E. (2023) Gender Aspects of the Civilizational Approach (New Horizons of Interdisciplinary Research). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 135–148. DOI: 10.31857/S0869049923040081, EDN: OZXODG.

Суть социального зачастую можно изучить только междисциплинарно и описать только метафорично: тогда это описание находит отклик, а знание приносит пользу. Так, по мнению французского философа М. Фуко, «не хватит ни Маркса, ни Фрейда, чтобы помочь нам познать эту столь загадочную вещь, одновременно и видимую, и невидимую, присутствующую и скрытую, инвестированную повсюду, которую мы называем властью. Ни теория государства, ни традиционный анализ государственных аппаратов не исчерпывают поля действия и осуществления власти. Перед нами великое неизвестное: кто осуществляет власть? И где она осуществляется?» [Фуко 2002, 44]. Для решения подобных междисциплинарных задач, которые изучают политологи и социологи, психологи и лингвисты, «необходимо рассматривать человека в его целостности, с его душой и телом, как часть окружающего мира системы общества» [Луман 2004, 27].

Таким глубоким и целостным направлением исследований стало рассмотрение мира в качестве ряда равноценных, но принципиально различных локальных цивилизаций или культурно-исторических типов. Соответствующий подход основал российский исследователь Н.Я. Данилевский [Данилевский 2018]. Подобная постановка вопроса сама по себе посягает на глобальную гегемонию коллективного Запада, который провозгласил себя единственным источником универсальной цивилизации. Для западоцентричных носи-

телей гегемонистского сознания и его российских адептов неприемлем даже факт того, что новое направление исследований основал российский ученый. Вскоре после смерти Н.Я. Данилевского его идеи начали обширно критиковать. С огромными натяжками критики ищут в его трудах признаки заимствований у И. Гердера, Г. Рюккерта и других авторов. Однако, когда спустя полвека ту же тему без ссылок на книгу Данилевского «Россия и Европа» стал разрабатывать немецкий философ истории О. Шпенглер, комментаторы не считали возможным обсуждать, был ли Шпенглер знаком с этим трудом. Данный вопрос неоднократно рассматривали исследователи, в том числе один из соавторов статьи [Ильинская 2021, Ильинская 2023].

Обратившись к локально-цивилизационным исследованиям как к частному случаю междисциплинарности, мы обнаруживаем, что пионер отечественной политологии, политический философ Б.Г. Капустин в своей статье о проблеме междисциплинарных исследований¹ не приводит это направление среди примеров (в отличие, например, от гендерных исследований). Причиной такого упущения можно считать приверженность ученого универсалистскому подходу. Десятью годами ранее он отнес «цивилизацию» к «идеологическим конструктам», не подвергая рефлексии свои исследовательские установки [Капустин 2008].

Между тем локально-цивилизационный подход, по определению самого Капустина, представляет собой классический случай междисциплинарности, поскольку локальные цивилизации исследуют философы и культурологи, социологи и политологи, историки и экономисты, психологи и антропологи, а также представители других дисциплин. Более того, этот подход – чуть ли не единственное направление исследований, которое позволяет объяснить на первый взгляд иррациональную агрессию со стороны как будто бы рационального Запада, который консолидированно выступил против России вопреки экономическим и другим издержкам текущего конфликта.

О роли междисциплинарного подхода в современных социальных исследованиях

По определению Б.Г. Капустина, междисциплинарность – это «метод исследовательской и педагогической работы, который интегрирует данные, инструментарий, приемы, концепции двух или более специализированных дисциплин с тем, чтобы продвинуть понимание фундаментальных проблем или ответить на вопросы, изучение которых выходит за пределы возможностей каждой отдельной дисциплины»². В какой-то мере определение междисциплинарности в качестве «метода» воспроизводит ту самую ограниченность, которую она и должна была преодолеть. В данном случае логичнее использовать термин «подход» или «способ мышления». Итак, междисциплинарность – это способ мышления (Б.Г. Капустин также использует выражения «саморефлексия науки», «новое состояние знания») или структура, которая предполагает другое расположение элементов: в ней место «методов», «данных», «инструментария», «концепций» и их взаимное соотношение может радикально меняться. Известный британский и американский антрополог В. Тернер полагал, что структура и антиструктура – это явления одного порядка, одной плоскости. Слом структуры не представляет собой победу антиструктуры: это появление чего-то из другой реальности, что сложно описать прежними означающими. Именно поэтому процесс слома трудно распознать. Он скорее ощущается интуитивно, однако выразить

¹ Капустин Б. Междисциплинарность открывает путь к новому состоянию знания. Коммерсантъ. 28.07.2017. (<https://www.kommersant.ru/doc/3367606>).

² Там же. Далее по тексту цитаты по проблеме междисциплинарности приведены из статьи, написанной на базе доклада Б.Г. Капустина в ВШЭ и опубликованной в «Коммерсантъ-наука».

эти ощущения непросто, поскольку адекватный язык описания еще не сформировался. Он появляется только тогда, когда результат слома становится очевидным [Turner 1974].

Характерно, что Б. Капустин, который основал свое определение на языке институционально закрепленной дисциплинарной структуры науки, также в своих рассуждениях движется в сторону разговора об иной структуре. В данном контексте обсуждение вопроса «междисциплинарность или внутридисциплинарность» утрачивает всякий смысл, поскольку иной способ мышления априори включает в себя возможность и необходимость совмещать методологии разных дисциплин.

Именно набор «методов», «инструментов», «концепций» формально организует дисциплинарные рамки в современных социальных науках, в то время как объекты и предметы изучения часто существенно пересекаются. Обращаясь к этимологии слова «дисциплина», Капустин подчеркивает, что его корни напрямую связаны с отношениями иерархии и власти: с субординацией по принципу «учитель-ученик» и «антитезисностью» (в терминах французского социолога П. Бурдьё), которая предполагает наличие высшего авторитета. Научная дисциплина – это в первую очередь социальный институт, который выполняет определенные функции. Формы его существования и принципы функционирования существенно изменились в эпоху модерна из-за «победы функционера над интеллектуалом» [Mills 1969, 156–160]. Наука трансформировалась еще сильнее в последние десятилетия. Социальные ученые, которые хорошо знакомы с этими изменениями, казалось бы, должны рефлексировать собственное поведение, но на практике в большинстве случаев этого не происходит. Некоторым исследователям не хватает способности выйти за дисциплинарные рамки, кто-то считает нецелесообразным подрывать устои направления, которое обеспечивает его работой.

Говоря о развитии социального знания, с одной стороны, мы имеем дело с институтами, с другой – с самим знанием, которое должно быть самоценным. «Каждый крупный прорыв в социальных науках за последнюю пару столетий начинался с дисциплинарной саморефлексии, протекал в тех или иных формах междисциплинарного синтеза и завершился появлением новой дисциплины или субдисциплины в старых дисциплинарных рамках», – пишет Б. Капустин. Автор выдвигает гипотезу о том, что междисциплинарность можно рассматривать как «особый эвристический момент в развитии старой или зарождающейся новой дисциплины». Однако каждая образовавшаяся таким образом новая дисциплина немедленно включается в институциональную конкуренцию за место в системе, становится участником конкурентной борьбы за отраслевые ресурсы.

Фундаментальные открытия совершают как раз тогда, когда новое знание еще не стало дисциплиной. Ключевые для социальных наук тексты были созданы вопреки нормам современного им научного дискурса. Более того, каждый из них, как правило, был революционным для своего времени и мультидисциплинарным. В предисловии к «Логико-философскому трактату» австрийско-британский философ Л. Витгенштейн писал: «Я потому не указываю никаких источников, что мне совершенно безразлично, думал ли до меня кто-либо другой о том, о чем думал я» [Витгенштейн 2005, 11]. Сегодня правила дисциплинарного научного дискурса не допускают такой подход, требуя перечислять (часто формально) предыдущие наработки по рассматриваемой проблеме. Многие великие тексты были написаны в условиях, когда подобная работа была физически невозможна (из-за отсутствия доступа к библиотечным ресурсам – например, в тюрьме), и именно такая ситуация определила их оригинальность и новизну³.

³ Так, итальянский философ А. Грамши в период своего тюремного заключения рассматривал проблему воспроизводства социального неравенства (в т. ч. на уровне повседневных практик) вследствие культурной гегемонии.

С появления нового направления начинается «педагогическая работа», направленная на организацию мышления учеников, в результате которой только самые независимые исследователи, не связанные экономическими и карьерными соображениями, позволяют себе оригинальные высказывания. Институционализация социальных дисциплин приводит к тому, что они начинают рекрутировать людей с полным отсутствием «социального воображения» (как выразился американский социолог Ч.Р. Миллс).

Важно также учитывать тот факт, что наука как институт окончательно сформировалась в Новое время именно в Европе. Академик А.В. Смирнов формулирует разницу между западной (субстанциональной) и арабо-мусульманской (процессуальной) «логиками смысла», полагая, что они основаны на принципиально иных онтологических и эпистемологических позициях, формирующих различные цивилизационные картины мира. Он считает, что «дух конкуренции» как одно из проявлений европейской «сущностной логики» вынуждает признать одну «культурно-обусловленную позицию за некую над-культурную и потому универсальную» [Смирнов 2019, 108]. Сложившееся положение дел, основанное на «протестантской этике» и определяющее «дух капитализма» [Вебер 2021], несет в себе «болезненное стремление к совершенствованию» [Смирнов 2019, 108]. В результате все, что не соответствует определенным канонам, подвергается отбраковке. Следуя междисциплинарной парадигме, можно обратиться к тем знаниям, которые наработали социальные психологи, и увидеть, что социальная конкуренция ощутимо влияет на поведение индивидов, которые удовлетворяют свои личностные потребности в научной сфере⁴.

Алгебра и философия – два разных способа описания реальности, которые существуют с древнейших времен. Однако, если линейная алгебра дает единый язык такого описания для точных наук, то философия лишь предлагает различные варианты онтологического обоснования для наук социальных. Многие из них признают ограниченную познаваемость мира и по-разному трактуют базовые для дальнейших построений сущности («бытие», «сознание»), сам процесс познания, а также имеют свой собственный набор аксиом – утверждений, которые принимают как не требующую доказательств данность и которые служат отправной точкой для дальнейших построений (см., напр.: [Glynos, Howarth 2007]).

Представители самых разных дисциплин социального знания все чаще требуют от коллег прояснять онтологические основы применяемых теорий и методов (см., напр.: [Бенхабиб 2003]). Однако возможно ли «истинное» знание в социальных науках, если эти основы в принципе различны (как различны и предлагаемые «картины мира»)? В результате начинают использовать критерий полезности: прикладное социальное знание, в отличие от фундаментального, вполне востребовано обществом. Такие дисциплины, как «маркетинг», «организационный менеджмент» и «проектный менеджмент» наиболее приближены к практике. Достижения фундаментальных отраслей социального знания очень часто игнорируют ради того, чтобы быстро решать насущные проблемы.

Таким образом прикладные дисциплины (и общество в целом) теряют очень многое, а менеджеры, обученные ограниченному набору моделей принятия решений и алгоритмов действия, используют эти знания, не понимая их возможностей и пределов. Учитывая, что наука стала своеобразной религией современного общества, такое положение дел может нанести существенный вред. В некоторых приведенных Б. Капустиным примерах междисциплинарных направлений («урбанистика», «международное развитие», «эколо-

мнии правящего класса [Граммши 1991], и результаты его междисциплинарного анализа стали отправной точкой для очередного витка приращения социального знания.

⁴ Такое же положение дел существует и в других профессиональных сферах, функционирующих в жестких границах капиталистического разделения труда.

гия») прослеживается значительная связь с фундаментальным знанием (как и потребность утверждаться дисциплинарно). Однако чем более содержательно социальное знание, тем сложнее сформулировать его так, чтобы оно было понятно практикам и, соответственно, тем прозрачнее шансы, что оно будет использовано. Такая информация превращается в «гностическое» знание, доступное лишь «профессионалам». Указанная проблема хорошо изучена в социальных науках: например, Н. Луман, Ю. Хабермас и многие другие авторы говорили о коммуникации как о главной организующей силе общества.

Когда в основе методов и теорий лежат разные картины мира, складывается ситуация, в которой «спасти» репутацию социальных наук может только их взаимодействие вместо фактической конкуренции. Все чаще исследователи говорят о том, что любая дисциплина, теория, подход имеют свою логику, грамматику, оптику и аксиоматику, и это понимание очень важно. Позитивистская традиция нередко приводит к тому, что даже фундаментальные исследования в социальных и политических науках основной целью имеют подтверждение теории или применение метода [*Glynos, Howarth 2007; 127*]. Однако доказать или обосновать можно все, что угодно, даже если полученные результаты будут противоречить здравому смыслу. Чтобы исследования представляли собой нечто большее, чем интеллектуальные упражнения, они должны соответствовать минимальному требованию – прояснению исходных позиций.

В качестве выхода из этой ситуации постструктуралисты предлагают проблемно-ориентированный (*problem-driven*) подход (или «проблематизацию» в терминах Фуко). Он переклюкает фокус с онтологически опосредованных теорий и методов на анализ конкретных социальных проблем. Тогда объектом исследования становится именно проблема, которую конструируют как набор разрозненных эмпирических проявлений. В таком случае исследователь получает возможность выбирать из огромного перечня теоретического и методологического «инструментария» социальных наук, подбирать «оптику», изучая проблему на соответствующем уровне абстракции, сопоставлять логики исследования. Такой процесс требует междисциплинарной эрудиции и работы исследовательских групп, объединяющих представителей различных направлений. В данном случае происходит взаимное обогащение и исключены ситуации, при которых в рамках одной дисциплины значительные усилия уходят на то, чтобы теоретически осмыслить вопросы, давно описанные в других.

Также следует отметить, что в настоящее время определенную новизну исследований может обеспечить только сочетание нескольких междисциплинарных подходов. Так, например, при рассмотрении вопросов российской демографии (с использованием проблемно-ориентированного подхода) для теоретического обоснования предлагаемых мер необходимо исходить уже не из дихотомии двух междисциплинарных подходов (цивилизационный vs гендерный), а из комплексного локально-цивилизационно-гендерного мульти-междисциплинарного подхода. Очевидно, что не существует универсальных рецептов, пригодных одновременно, например, для российской и для китайской цивилизаций, поскольку последняя на порядок отличается по численности населения, и проблема его физического сохранения перед ней просто не стоит.

Гендерные аспекты российского проекта цивилизационного развития

В рамках «Российского проекта цивилизационного развития», который Институт философии РАН развивает с 2019 г., гендерной проблематикой занимается пионер этого направления О.А. Воронина, отдавшая теме около четырех десятков лет. В статье о «женском вопросе» применительно к цивилизационному развитию России исследовательница фактически сохранила универсалистский подход к гендерной проблематике, не приняв во

внимание особую логику смысла российской цивилизации, обусловленную спецификой ее исторических вызовов [Воронина 2021]. Такая особенность не случайна.

После дезинтеграции советской системы многие отечественные авторы взяли на вооружение категориальный аппарат западной социологии и политологии, не переосмысляя его. В 1980-е гг. российские ученые приобщались к гендерным исследованиям, уже развитым на Западе, но без критического осмысления западного опыта применительно к российской специфике⁵.

В 1990-х гг. в рамках новой политической системы наряду со свободой от идеологического диктата были утрачены многие социальные достижения советского периода. На первый план вышел круг проблем, далеких от вопросов, которые западные феминистки поднимали в своих работах. Последние создавались в условиях «государства благоденствия», которое сформировалось в ходе конкуренции капиталистических стран с альтернативной системой социализма.

В настоящее время в глобальной гендерной повестке доминирует самый радикальный вариант либерально-универсалистского дискурса. Методологический номинализм либеральной традиции (индивид рассматривается как атомизированная единица) последовательно избавлял его от различного рода коллективных идентичностей. Свобода – ключевая ценность либерализма – рассматривается как проект постепенного освобождения. Внутри западного мира ему исторически противостояла консервативная традиция, которая защищала коллективные идентичности (семья, партия, нация, церковь и др.) Либерализм со времен Дж. Локка связывает обретение свободы с достижением нравственной зрелости. Например, дети или душевнобольные не обладали ей в классической либеральной традиции, поскольку они не постигли (еще или вообще) нравственный принцип или «закон природы» с помощью божественного «светоча разума» [Локк 1988, 18–19, 21]. В классическом понимании свобода представляет собой, в первую очередь, способность к законодательству, что предполагает ответственность за последствия свободного выбора.

В российской логике смысла всегда превалировала соборная или холистическая традиция, обусловленная суровыми климатическими условиями и спецификой православия. В западном мире исторически она тоже была представлена. Согласно холистической установке (в философии берет начало от Аристотеля), целое качественно отличается от составляющих его частей, поэтому семью или нацию нельзя рассматривать как набор индивидов. Ради потребностей семьи человек часто поступает собственными эгоистическими интересами, во имя нации люди массово шли на смерть.

На Западе за Реформацией как процессом индивидуализации веры последовала постепенная секуляризация и атомизация. В результате индивиды освободились от «оков» последних коллективных идентичностей – гендерных. Брак в «цивилизованном мире» перестал быть союзом между мужчиной и женщиной. Количество изобретенных гендерных идентичностей в настоящее время составляет несколько десятков. Сексуальное просвещение детей, которое в школах «развитых стран» навязывают под лозунгом защиты прав ребенка, погружает еще незрелую личность в сексуальные переживания вместо нравственного становления.

Текущее наступление на традиционную семью на Западе было обусловлено определенной интерпретацией принципа свободы. Так, британский философ Дж.Ст. Милль в эссе «О свободе» оправдывал многоженство среди мормонов (несмотря на то, что был

⁵ Михантьева М. Разоблачить идеальную советскую семью: как исследовали гендерный вопрос в СССР. Forbes. 24.05.2022. (<https://www.forbes.ru/forbes-woman/466421-razoblacit-ideal-nuu-sovetskuu-sem-u-kak-issledovali-gendernyj-vopros-v-sssr>).

последовательным сторонником женского равноправия) свободным выбором женщины, которая сама предпочла такую форму брака [Милль 1900, 377]. Однако он не ставил вопрос о свободе выбора для девочки, воспитанной в семье мормонов. Из-за уравнивания статуса традиционной семьи и различного вида «новаторских» союзов (с возможностью для последних усыновлять и воспитывать детей), а также активной пропаганды экспериментирования с сексуальной и гендерной идентичностью быстрыми темпами возрастает приверженность нетрадиционным сексуальным отношениям. В реальности якобы «свободный» выбор во многом предопределен условиями воспитания и социализации. На Западе данную особенность хорошо понимают и широко используют практику изъятия детей из тех семей, которые не согласны с официальной политикой сексуального просвещения в школах. При выработке российской государственной политики по отношению к нетрадиционным союзам учитывалось, что толерантность не может простираться за пределы жизнеспособности общества. Избранная стратегия, с одной стороны, ориентирована на отказ от преследования девиаций, с другой – запрещает их пропаганду.

Политика наступления на традиционную семью, включая разделение феноменов биологического и социального пола и постулирование гендерного разнообразия (по аналогии с другими видами произвольно выбираемой идентичности – культурной, религиозной и т. д.) неразрывно связана с вопросами регулирования численности населения Земли, идеологией постгендеризма и трансгуманизма [Давыденко 2023]. Пандемия COVID-19 показала, как человек может легко лишиться возможности получить даже элементарную врачебную помощь. Нетрадиционная семья без дорогостоящих высоких медицинских технологий воспроизводить людей не может.

Западные гендерные исследования объективно противоречат интересам российского государства-цивилизации [Спиридонова 2022] и его попыткам решить демографическую проблему. Либеральный феминизм (как универсальная модель борьбы за эмансипацию) утверждает, что женщина – это прежде всего личность. Она должна свободно выбрать свое призвание – семью, карьеру, другие формы самореализации или совмещение этих сфер, а с любыми формами дискриминации необходимо бороться в том числе через квоты для лучшей представленности женщин на руководящих должностях, меры по выравниванию заработной платы и др. Существуют и другие версии феминизма – например, марксистская. Так, американский философ Н. Фрейзер пишет о «кризисе заботы», в различных формах присущем каждой из стадий развития капитализма. Процессы эмансипации непосредственно связаны с развитием капитализма: они позволяют превратить женщину в трудовую единицу, которой до определенного этапа борьбы с дискриминацией можно платить меньше за равный труд. Постепенное выравнивание ситуации в сфере оплаты труда позднее компенсируется тем, что для материального обеспечения семьи становится недостаточно одного работающего взрослого, супруги вынуждены содержать ее совместно. Либеральный феминизм трактует этот факт как экономическую неизбежность, а не как результат капиталистической гиперэксплуатации. Он не обсуждает проблему невозможности воспроизводства человеческого капитала в такой ситуации, которая вынуждает капиталистические страны черпать трудовые ресурсы из периферийных (с точки зрения развития капитализма и господства индивидуалистических ценностей) государств⁶.

Текущий «кризис заботы» – ситуация, при которой внутри семьи некому ухаживать за детьми и стариками – наблюдается не только в нуждающихся, но и во вполне благополучных семьях. Данное положение возникает из-за боязни упущенной выгоды, страха поте-

⁶ Fraser N. Contradictions of capital and care. *New Left Review*. July/Aug 2016. (<https://newleftreview.org/issues/ii100/articles/nancy-fraser-contradictions-of-capital-and-care>).

пять высокооплачиваемую работу: часто встречаются случаи, когда квалифицированные специалисты уезжают в роддом буквально из офиса, а после рождения оставляют ребенка с няней. Глобальное неравенство порождает свой «кризис заботы» и в менее развитых странах, поскольку женщины из стран периферии капиталистического мира едут на заработки в семьи более развитых государств в качестве нянь или сиделок, чтобы обеспечить своих оставшихся дома детей.

С точки зрения интересов российского цивилизационного государства, деторождение важнее личностной самореализации (хотя личностная самореализация включает и материнство) потому, что российская локальная цивилизация самая малочисленная. Для удержания территории необходима значительно большая численность населения, чем сейчас, так как в других локальных цивилизациях она гораздо выше⁷.

Следует отметить, что изыскания либеральных феминисток, поставившие под сомнение равные возможности советских женщин, не всегда можно было назвать объективными. Так, социологические исследования конца 1980-х гг. показывали, что зарплата женщин в позднем СССР была в среднем на 30% меньше мужской по причине их занятости в менее оплачиваемых сферах (медицина, образование, сфера обслуживания) (см.: [Воронина 1990, 361]). Очевидно, что значимую роль здесь играл диспаритет зарплат у квалифицированных рабочих и интеллигенции (первые зарабатывали больше, чем инженеры, врачи и учителя), а образовательный статус женщин в позднее советское время был выше, чем мужчин (среди них доля имеющих высшее образование была больше). В том случае, когда сопоставляемые группы выравнивали по уровню образования [Воронина 1990, 362], не учитывали тот факт, что женщины чаще мужчин оформляют больничный лист при болезнях детей, а также они реже задействованы в опасном или рискованном труде.

В особо провокационных случаях в пропагандистских целях опускали все средние звенья в цепи логических рассуждений. Так, например, неравноправное положение женщины в советской системе иллюстрировали тем фактом, что в 1980-е гг. женщина могла попасть в Афганистан в качестве военврача или медсестры, но не в качестве дипломата⁸ или генерала [Воронина 1990, 362]. Следует привести рассуждение полностью, восстанавливая пропущенные звенья логической цепи: 1) женщины такие же люди, как и мужчины; 2) равенство означает равный объем прав; 3) оно означает также и равный объем обязанностей; 4) это касается и исполнения воинского долга; 5) равное представительство женщин в армии должно иметь отношение ко всем уровням командования; 6) женщин в армии статистически мало, поскольку воинская повинность на них не распространяется; 7) женщины не представлены на уровне генералитета. Полная логика рассуждений не соответствует лозунгам борьбы за равенство полов.

За истекшие с этой публикации 30 с лишним лет ситуация с численностью женщин в армии существенно изменилась, поэтому они стали появляться на все более высоких уровнях командования. Так, в своем докладе «Социально-правовое положение и имидж военнослужащих женского пола РФ» на VII Международном женском конгрессе⁹ российский исследователь С.Л. Рыков привел данные по численности генералов женского пола в составе российских военизированных ведомств: МВД – 16 чел., Таможенная служба – 5,

⁷ См., например, интервью председателя наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Юрия Крупнова: В действующих стратегиях мы приговорены к исчезновению из истории. Завтра.ру. 14.06.2018. (http://zavtra.ru/blogs/v_dejstvuyushih_strategiyah_mi_prigovoreni_k_ischeznoventiyu_iz_istorii).

⁸ В дипломатической сфере существуют собственные правила. Прежде чем получить назначение в «благополучную» страну на высокий дипломатический пост, нужно поработать на рядовых должностях в трудных, проблемных, опасных точках планеты.

⁹ Состоялся 06.03.2023 г. в Общественной палате РФ.

Минюст – 4, Следственный комитет – 10, ФСБ – 1. Также он представил информацию о росте численности военнослужащих женского пола за последние годы, в том числе в составе десантных подразделений, танковых экипажей и других традиционно мужских военных специальностей – вплоть до летчиков-истребителей. Однако в целом конгресс прошел в духе либерально-феминистской повестки 30–40-летней давности. В частности, высказывались сожаления о том, что по количеству генералов-женщин Россия пока не «дотягивает» до уровня США, а также упоминались феномены «липкого пола» и «стеклянного потолка» (статистика опровергает данные штампы).

Приведем некоторые данные из выступлений докладчиков. Так, в РФ женщин по-прежнему больше среди лиц с высшим образованием (55%), но женщин-кандидатов (43%) и докторов (28%) наук меньше, чем мужчин. В то же время представленность женщин в российской науке (38%) выше, чем в мире в целом (33%). В сфере социального предпринимательства доля женщин достигает 98%, поскольку гибкий график занятости позволяет совмещать эту деятельность с материнством. В России женщины лидируют по представленности в муниципальных, административных (и т. п. исполнительных) органах власти, на государственной и гражданской службе (75%), в сфере образования (83%), здравоохранения и социальных услуг (80%). Как и 30 лет назад, они в большей степени работают в «традиционно женских» сферах. Объяснить такую динамику можно следующим фактом: это наиболее социально защищенные сферы в том смысле, что все они так или иначе связаны с государственным бюджетом. Кроме того, их проще совместить с материнством, в данных областях соблюдается трудовое законодательство, а рабочий день нормирован. Тем не менее, даже в них доля женщин-руководителей достигает лишь 40%, резко снижаясь с повышением уровня властных полномочий.

По мнению участников конгресса, малое участие женщин в руководстве свидетельствует о сохранении проблемы эмансипации. Отдельные вопросы, которые поднимала О.А. Воронина в 1990-м г., например, занятость женщин на физически тяжелых видах работ, уже не ставятся, хотя перегрузки летчика «Белого лебедя» вряд ли совместимы с репродуктивным здоровьем женщины.

В рамках обсуждения гендерной проблематики важнее рассматривать равенство возможностей, чем слепо защищать равенство прав. Такая ориентация не игнорирует объективную разницу между мужчинами и женщинами, не лишает ребенка психологического контакта с матерью. В то же время она позволяет женщине реализовать свой творческий и профессиональный потенциал, не отказывая себе в радости материнства.

Одновременно надо понимать о чем свидетельствуют вышеприведенные цифры: карьерный рост в его традиционном понимании и, например, сознательная многодетность – мало совместимые жизненные стратегии. На вышеупомянутом конгрессе прозвучала выразительная цифра: 66% опрошенных российских мужчин согласны заменить жену в декретном отпуске. Это свидетельствует о том, что в двух третях российских семей жены репродуктивного возраста сегодня являются более высокооплачиваемыми работниками, нежели мужа – настолько, что изменились традиционные паттерны поведения, согласно которым именно мать должна кормить и баюкать младенца, рассказывать ему сказки, передавая цивилизационный «культурный код». Медикам хорошо знакома ситуация невынашиваемости, которая ухудшается из года в год, а также постоянный рост количества кесаревых сечений, обусловленный тем, что у рожениц не развивается родовая деятельность. Главная причина такого положения дел заключается в том, что у женщины, занятой карьерой, не формируется так называемая «доминанта беременности».

Борьба за женское равноправие в его либеральном понимании во многом и порождает тот самый «кризис заботы», на который обращают внимание феминистки марксистской ори-

ентации. Доведенная до абсурда тема равенства полов приводит к разрушению межполовой гармонии, нежеланию создавать семью и росту количества однополых браков, в которых, по иронии судьбы, партнеры выполняют те же социальные роли, что в обычных союзах.

Выводы

Междисциплинарность способствует возвращению «здорового смысла» при решении текущих задач. Под здоровым смыслом подразумевается соответствие решений реальным проблемам, целям и контексту (конкретным культурно-историческим условиям). Такого результата можно достигнуть, во-первых, за счет «проблематизации» – подхода, при котором во главу ставится реальная проблема, а не теория или метод. Во-вторых, помогает анализ онтологических позиций, на которые опираются те или иные рассуждения или научные построения. Само понятие «здоровый смысл» имеет культурно-историческую обусловленность, что было неоднократно доказано (о различиях между пониманием «common sense» на уровне языковых конструкций в разных языках см., например [Грамини 1991]). Пока же многие социальные ученые воспринимают принятый в формально-рационалистической западной логике «common sense» без должной рефлексии, к которой, казалось бы, обязывает имеющийся багаж знаний.

Здравый смысл позволяет, например, понять, что проблемы российской демографии нельзя решить чисто финансовыми механизмами. Необходимо учитывать, что физически крепких женщин, способных без ущерба для себя родить здорового ребенка, с каждым годом становится все меньше. Не все женщины, способные к воспроизводству населения, становятся матерями, поскольку они ориентированы на иные ценности или не имеют партнеров, стремящихся к деторождению.

Как показывает настоящая работа, слепая ориентация на универсалистские ценности при разработке стратегических документов цивилизационного государства противоречит тому, что можно обозначить как «здоровый смысл». Он подсказывает, что при формировании демографической политики в РФ нельзя ориентироваться на универсалистские штампы (неизбежность снижения индекса фертильности по мере модернизации общества, безальтернативность миграции как источника восполнения дефицита трудовых ресурсов и др.). Не следует стремиться достигнуть первых позиций в мире по численности генералов женского пола на душу населения, а следует предоставить возможность каждой российской женщине, которая на это нацелена, «вернуться в семью», причем сделать это на качественно ином уровне.

Рассмотрение этого вопроса в историческом контексте показывает, что стоящие перед государством в советские годы задачи по вовлечению женщин в народное хозяйство во многом определяли политические и идеологические решения. Сейчас перед российским государством стоят иные задачи, а технический прогресс постепенно приводит к тому, что часть трудоспособного населения остается незанятой. Соответственно, вместо борьбы за формальное равенство полов необходимо учитывать их объективные отличия, а также признать, например, что мать троих детей ежедневно выполняет большой объем работы – речь идет о почти круглосуточном труде. Когда же у детей имеются проблемы со здоровьем, такая деятельность становится несовместимой с другими видами занятости. Если перед российской наукой стоит задача развить системно-целостное представление об оздоровлении природы человека, направленное на сохранение женского и мужского начал и основанное на исторически выработанных нормах, что сохраняет возможность рождения новых поколений [Баркова 2022], то на уровне практической политики российского государства-цивилизации необходимо стимулировать рост «профессиональных родите-

лей». Соответственно, необходимо поднимать престиж рождения и воспитания детей, а не увеличивать квоты пропорциональной представленности женщин на всех уровнях власти.

В таком случае стратегия по решению демографической проблемы в России сможет выйти за рамки провозглашения значимости традиционных ценностей или выдачи «материнского капитала». Взамен она перейдет на уровень комплексной многоплановой семейной политики. Разработка таких действий потребует совмещать различные междисциплинарные подходы – в том числе локально-цивилизационный и гендерный. Последний из них пришел в отечественную науку в своем либеральном варианте и был воспринят социальными учеными без рефлексии. Его необходимо переосмыслить в русле традиционных для России ценностей, приняв во внимание неомарксистскую трактовку, направленную на создание подлинно социального государства. Без осознания угроз и правильной постановки задач по их преодолению Россия как общество и государство обречена на исчезновение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Баркова Э.В. (2022) Экофеминизм: есть ли потенциал в решении проблемы природы человека и сохранения экомира Земли? // В: Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов IX Международной научно-исследовательской конференции (г. Грозный, 9–10 декабря 2022 г.). Махачкала: Издательство АЛЕФ. С. 47–54.

Barkova E.V. (2022) Ekofeminizm: yest' li potentsial v reshenii problemy prirody cheloveka i sokhraneniya ekomira Zemli? [Ecofeminism: Is There a Potential for Solving the Problem of Human Nature and Preserving the Eco-World of the Earth?]. In: *Gumanitarnoye znaniye i dukhovnaya bezopasnost: sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-issledovatel'skoj konferencii (g. Groznyj, 9–10 dekabrya 2022 g.)*. Makhachkala: ALEF. Pp. 47–54. (In Russ.)

Бенхабиб С. (2003) Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос. 350 с.

Benhabib S. (2003) *Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyu eru* [The Claims of Culture. Equality and Diversity in a Global Era]. Moscow: Logos. 350 p. (In Russ.)

Вебер М. (2021) Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ. 352 с.

Weber M. (2021) *Protestantskaya etika i duh kapitalizma* [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Moscow: AST. 352 p. (In Russ.)

Витгенштейн Л. (2005) Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего». 440 с.

Wittgenstein L. (2005) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego». 440 p. (In Russ.)

Воронина О.А. (1990) Женский вопрос // В: СССР: демографический диагноз. Сост. В.И. Мукомель. М.: Прогресс. С. 351–373.

Voronina O.A. (1990) Zhenskiy vopros [Women's Issue]. In: *SSSR: demograficheskiy diagnost. Comp. by V.I. Mukomel*. Moscow: Progress. Pp. 351–373. (In Russ.)

Воронина О.А. (2021) Цивилизационное развитие России и «женский вопрос» (XV – начало XX века) // Проблемы цивилизационного развития. Т. 3. № 2. С. 83–101. DOI: 10.21146/2713-1483-2021-3-2-83-101

Voronina O.A. (2021) Civilizacionnoe razvitie Rossii i «zhenskij vopros» (XV – nachalo XX veka) [Russian Civilization and the “Women's Question” (XV – Early XX Century)]. *Problemy civilizacionnogo razvitiya*. vol. 3, no. 2, pp. 83–101. DOI: 10.21146/2713-1483-2021-3-2-83-101 (In Russ.)

Грамши А. (1991) Тюремные тетради. В 3-х ч. Ч. 1. М.: Политиздат. 560 с.

Gramsci A. (1991) *Tyuremnye tetradi. V 3-kh ch.* [Prison Notebooks. In 3 Vols]. Vol. 1. Moscow: Politizdat. 560 p. (In Russ.)

Давыденко Э.Н. (2023) Технологии конструирования гендера как угроза планомерного разрушения естественно-исторической родовой идентичности человека: дискурс и практика // В: Экология человека в современных трансформациях исторического времени: монография. Науч. ред.: Э.В. Баркова. М.: РУСАЙНС. С. 109–113.

Davydenko E.N. (2023) Tekhnologii konstruirovaniya gendera kak ugroza planomernogo razrusheniya estestvenno-istoricheskoy rodovoy identichnosti cheloveka: diskurs i praktika [Gender Construction Technologies as a Threat of Planned Destruction of Human Natural-Historical Generic Identity: Discourse and Practice]. In: *Ekologiya cheloveka v sovremennykh transformatsiyakh istoricheskogo vremeni*. Ed(s): E.V. Barkova. Moscow: RUSAYNS. Pp. 109–113. (In Russ.)

Данилевский Н.Я. (2018) Россия и Европа. М.: Алгоритм. 560 с.

Danilevsky N.Ya. (2018) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Algorithm. 560 p. (In Russ.)

Ильинская С.Г. (2021) «Цивилизация» как локальный феномен: начальный этап теоретического осмысления понятия // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 119–134. DOI: 10.31857/S086904990014931-6

Ilyinskaya S.G. (2021) «Civilizaciya» kak lokal'nyj fenomen: nachal'nyj etap teoreticheskogo osmysleniya ponyatiya [“Civilization” as a Local Phenomenon: The First Stage of Theoretical Study]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 6, pp. 119–134. DOI: 10.31857/S086904990014931-6 (In Russ.)

Ильинская С.Г. (2023) Парадоксы толерантности и терпимости: западный и российский опыт // *Международный журнал «Свободная мысль»*. № 3. С. 73–88.

Ilyinskaya S.G. (2023) Paradoks tolerantnosti i terpimosti: zapadnyj i rossijskij opyt [Paradoxes of the Tolerance: Western and Russian Praxis]. *Mezhdunarodnyj zhurnal “Svobodnaya Mysl”*. no. 3, pp. 73–88. (In Russ.)

Капустин Б.Г. (2008) «Цивилизация» как идеологический конструкт // *Русский журнал*. № 3. С. 150–154.

Kapustin B.G. (2008) «Civilizaciya» kak ideologicheskij konstrukt [“Civilization” as an Ideological Construct]. *Russkij zhurnal*. no. 3, pp. 150–154. (In Russ.)

Локк Дж. (1988) Опыты о законе природы // В: *Сочинения в трех томах*. Т. 3. М.: Мысль. С. 3–53.

Locke J. (1988) Opyty o zakone prirody [Experiments on the Law of Nature]. In: *Sochineniya v trekh tomah*. Vol. 3. Moscow: Mysl'. Pp. 3–53. (In Russ.)

Луман Н. (2004) Общество как социальная система. М.: Логос. 232 с.

Luman N. (2004) *Obshchestvo kak social'naya sistema* [Society as a Social System]. Moscow: Logos. 232 p. (In Russ.)

Милль Дж.Ст. (1900) О свободе // В: *Утилитарианизм. О свободе*. СПб: Издание книгопродавца И.П. Первозникова. 427 с.

Mill J.St. (1900) O svobode [On Freedom]. In: *Utilitarianism. O svobode*. Saint-Peterburg: Izdanie knigoprodavca I.P. Perevoznikova. 427 p. (In Russ.)

Смирнов А.В. (2019) Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра»; Издательский Дом ЯСК. 216 с.

Smirnov A.V. (2019) *Vsechlovecheskoye vs. obshchchelovecheskoye* [All-human vs. Universal]. М.: ООО «Sadra»; Izdatel'skij Dom YASK. 216 p. (In Russ.)

Спиридонова В.И. (2022) «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 116–127. DOI: 10.31857/S086904992203008X, EDN: EXSDPE

Spiridonova V.I. (2022) «Gosudarstvo-civilizaciya» kak novaya formula sushchestvovaniya v XXI veke [“Civilization-State” as a New Formula of Existence in the XXI Century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 3, pp. 116–127. DOI: 10.31857/S086904992203008X, EDN: EXSDPE (In Russ.)

Фуко М. (2002) Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Пер. с франц. С.Ч. Офертас. Ред.: В.П. Визгин, Б.М. Скуратов. М.: Праксис 388 с.

Foucault M. (2002) *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Translation from French: S.CH. Ofertas. Ed(s): V.P. Vizgin, B.M. Skuratov. Moscow: Praxis. 388 p. (In Russ.)

Glynos J., Howarth D. (2007) *Logics of Critical Explanation in Social and Political Theory*. Routledge Innovations in Political Theory. Routledge. 264 p.

Mills C. Wright. (1969) *The Rise of the Technician // In: White Collar: The American Middle Classes*. New York: Oxford University Press. Pp. 156–160.

Turner V.W. (1974) *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. Harmondsworth. 232 p.

Информация об авторах

Ильинская Светлана Геннадьевна, кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель Сектора философских проблем политики Института философии Российской академии наук. Адрес: 109240, Россия, Москва, Гончарная ул., д. 12, стр. 1. E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

Сирина Екатерина Артуровна, магистр социологии, соискатель сектора философских проблем политики Института философии Российской академии наук. Адрес: 109240, Россия, Москва, Гончарная ул., д. 12, стр. 1. Социолог, ГБУЗ «Городская клиническая больница № 52 Департамента здравоохранения Москвы». Адрес: 123182, Россия, Москва, ул. Пехотная, д.3. E-mail: ekasirina@gmail.com

About the authors

Svetlana G. Ilinskaya, Candidate of Political Science, Leading Research Fellow, Department of Philosophy Problems of Politics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPh RAS). Address: 127005, Russia, Moscow, Goncharnaya Street, 12-1. E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

Ekaterina A. Sirina, Master of Sociology, Postgraduate Student, Department of Philosophy Problems of Politics, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPh RAS). Address: 127005, Russia, Moscow, Goncharnaya Street, 12-1. Sociologist, City Clinical Hospital No. 52 of the Moscow Health Department. Address: 123182, Russia, Moscow, Pehotnaya st., 3. E-mail: ekasirina@gmail.com

Статья поступила в редакцию/ Received: 13.03.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки/ Revised: 27.04.2023

Статья принята к публикации/ Accepted: 25.08.2023